

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции

в Красноборск с поручением исследовать Спасскую Красноборскую церковь и собрать предметы древнерусского искусства. В результате поездки музеем были переданы 77 предметов, признанные «весьма ценной и интересной коллекцией, значительно обогатившей отдел древнерусского искусства музея» [5; л. 6–6 об.]. Благодаря исследовательской и просветительской деятельности членов СДОИМК музеем в 1933 г. получен статус научно-исследовательского [8; 16].

Таким образом, Северо-Двинское общество изучения местного края сыграло важную роль в развитии краеведения, изучении истории Северо-Двинской губернии, становлении музейного дела. Материалы, собранные членами общества, и сегодня не потеряли своей актуальности и пользуются вниманием исследователей.

Источники и литература

1. Великоустюгский центральный архив (далее – ВУЦА). Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 50.
2. ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Св. 2. Д. 13.
3. ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Св. 2. Д. 14.
4. ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Св. 2. Д. 15.
5. ВУЦА. Ф. Р-338. Оп. 1. Св. 3. Д. 45.
6. Отчет правления Северо-Двинского общества изучения местного края за 1926 год. // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. IV. Великий Устюг, 1927.
7. Скворцов И. Из жизни Северо-Двинского общества изучения местного края. (1 апреля 1925 г. – 1 июля 1926 г.). // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. II. Великий Устюг, 1926.
8. Сыроватская Л. Н. Музей Северо-Двинской культуры: страницы истории. // Быть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда, «ЛиС», 1993. С. 16.
9. Чебыкина Г. Н. В. П. Шляпин: историк и краевед. // Быть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда, «ЛиС», 1993.
10. Чебыкина Г. Н. Евлампий Арсеньевич Бурцев. // Устюжане. Великий Устюг, 1995.
11. Шляпин В. П. Северо-Двинское общество изучения местного края. // Записки Северо-Двинского общества изучения местного края. Вып. I. Великий Устюг, 1925.

*Гладких С. А.
Котлас*

В ТЕНИ ЗНАМЕНИТОГО БРАТА (НИКИФОР ПАВЛОВИЧ ХАБАРОВ)

Фактически в любом научном исследовании или литературном произведении, посвящённом знаменитому Амурскому походу Ерофея Павловича Хабарова, упоминается и его брат Никифор (в архивных документах нередко встречается написание «Микифор»). Биографии этих людей настолько тесно связаны, что кажутся неотделимыми друг от друга. Однако доселе нет ни одной публикации, посвящённой конкретно Никифору Павловичу: видимо, колоссальная фигура Ерофея Хабарова заслоняет от исследователей его брата. Поэтому возникает закономерный вопрос: был ли Никифор Хабаров только тенью Ерофея, или всё же являлся человеком, самостоятельно строившим свою судьбу, а их совместная деятельность представляла собой «союз равных»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо отдельно рассмотреть биографию Никифора Павловича Хабарова.

Основной массив архивной информации о братьях Хабаровых выявлен московским исследователем Георгием Борисовичем Красноштановым и опубликован в масштабной документальной биографии «Ерофей Павлович Хабаров», которая послужила опорой и для предпринятого ныне исследования. Разумеется, в работе задействованы и иные библиографические материалы, дающие пищу для размышлений.

Несмотря на то, что братья Хабаровы часто упоминаются вместе, ни в одном документе не обозначено их старшинство. Однако почти постоянное упоминание Ерофея первым

в этой паре и его постоянное превосходство над братом в служебном положении позволяют достаточно уверенно говорить о том, что Ерофей был старшим. Косвенно подтверждается это и упоминанием, что Ерофей вёл самостоятельное хозяйство в то время, когда Никифор ещё проживал вместе с отцом [5; 24]. Был у них как минимум ещё один брат – Никита (Микитка), но информации о нём сохранилось крайне мало.

Родиной братьев Хабаровых являлась деревня Святица Вотложемской волости Устюжского уезда, располагавшаяся на правом берегу Северной Двины, на территории современного Котласского района Архангельской области [2; 285–286]. В начале XVII века Святицу разрушило паводком, и Павел Хабаров сначала перебрался к сыну Никите в соседнюю деревню Дмитриево, а затем купил двор в расположенной неподалёку деревне Ленивцев Выставок Алексинского стана Усольского (Сольвычегодского) уезда [4; 20–23], ныне – окраина деревни Курцево того же Котласского района.

Именно там и проживал Никифор Хабаров, прежде чем отправиться в Сибирь. Согласно писцовым книгам 1645–1647 гг., Ерофей и Никифор числились совладельцами этого двора, хотя оба уже проживали в Сибири, а хозяйскую землю обрабатывали их половники (арендаторы за половину урожая) [5; 63–64]. Однако Никифор иногда появлялся на родине, о чём свидетельствует его челобитная, датированная 1639 г. и посвящённая старому земельному спору, связанному с закладом части деревни Дмитриево Павлом Хабаровым.

Возможно, психологическим толчком, побудившим Ерофея и Никифора Хабаровых к уходу в Сибирь, стала смерть их отца. Точное время отъезда братьев с малой родины неизвестно, но в 7135 (1626–1627) г. Никифор находился в Еренском городке (Яренске), где устюжанин Козьма Печенкин пытался взыскать с него долг брата Ерофея. Однако Никифор смог доказать, что находится с Ерофеем «в делу», то есть ведёт раздельное хозяйство, и поэтому платить не стал. Аналогичная история примерно в это же время произошла с ним и в Сольвычегодске [4; 17]. То, что в этих городах, находящихся на пути в Сибирь, с Никифора пытались взыскать долги Ерофея, позволяет предположить, что двигался он «встречь солнцу» вслед за братом, в одиночку. А первым пунктом, куда они стремились, была легендарная «златокипящая» Мангазея.

Однако пребывание в самой Мангазее – административном центре северо-западной Сибири – не позволяло предприимчивым братьям развернуть активную деятельность. Поэтому в 1628 г. оба они отбыли из Мангазеи на Пясиду (полуостров Таймыр): Ерофей – в качестве ясачного целовальника, то есть чиновника по сбору ясака (налога пушшиной) с местного населения; а Никифор – как промышленный человек, то есть охотник, занимавшийся пушным промыслом. При этом Никифор – возможно, на заёмные деньги Ерофея – нанял шестерых покручеников (наёмных охотников) из казанских татар [5; 24], которые, отправившись на промысел за его счёт, обязаны были расплатиться с ним частью охотничьей добычи.

Таким образом, Ерофей к тому времени получил в Мангазее определённый авторитет и служебный вес, а у братьев был некоторый «первоначальный капитал», который они намеревались приумножить. Ведь снаряжение одного покрученика стоило тогда немало – в среднем 20 рублей, но и нанимателю охотники отдавали две трети добычи [10; 17–18, 93–94]. Однако совместное пребывание Хабаровых на Пясиде привело к очень неприятным последствиям: 1 сентября 1629 г. (здесь и далее все даты даны по старому стилю) мангазейским воеводам Григорию Ивановичу Кокореву и Андрею Фёдоровичу Палицыну поступил донос на Ерофея, якобы осуществлявшего вместе с братом соболиный промысел, что ясачным целовальникам запрещалось.

Воеводы организовали следствие, в ходе которого был допрошен ряд свидетелей, давших весьма разноречивые показания [5; 18–27]. Тем не менее и сами братья, и большинство опрошенных сообщили, что «подозреваемые» как на родине, так и на Таймыре жили порознь, а пушной промысел у реки Хеты вёл только Никифор со своими покручениками. При этом он осуществлял скупку соболей и весьма далеко от Пясиды – на Подкаменной Тунгуске, что подтверждается записью в местной таможенной книге

от 5 мая 1629 г. Общая же добыча Никифора за вычетом налогов составила достаточно приличный объём – шесть сороков семнадцать (257) соболиных шкурок.

Однако на время следствия привезённые Хабаровыми из Пясиды меха были изъяты воеводой Г. И. Кокоревым в «государеву казну». Тогда братья стали искать защиты у второго мангазейского воеводы, враждовавшего с Г. И. Кокоревым – А. Ф. Палицына. В результате Ерофей составил объёмную челобитную с изложением многочисленных вин Г. И. Кокорева, и 17 июля 1630 г. тайно от него был отпущен А. Ф. Палицыным из Мангазеи. Об отъезде Никифора информации не имеется. Полученная в Москве челобитная Ерофея фигурировала в следственном деле 1633 г. о конфликте мангазейских воевод.

В ходе этого следствия оба воеводы заявили, что изъятые соболи были братьям Хабаровым возвращены под отпись (расписку), но не полностью, и обвинили друг друга в присвоении части реквизированного имущества. Упомянутая отпись до сей поры не обнаружена, зато сохранилась долговая кабала братьев Хабаровых и их земляка Романа Кузнецова от 14 апреля 1630 г., по которой они заняли у А. Ф. Палицына 30 рублей [5; 44]. Вероятно, к этому времени соболя по-прежнему оставались «под замком».

Немаловажно отметить, что в кабале фигурируют слова заёмщиков «все мы, трое, устюжана», что противоречит данным в 1629 г. показаниям о проживании Ерофея и Никифора соответственно в Устюжском и Сольвычегодском уездах. По мнению Г. Б. Красноштанова, свидетели дали ложные показания о раздельном проживании Ерофея и Никифора Хабаровых, чтобы выгородить хорошо знакомых им братьев [4; 20]. Думается, однако, что с учётом проживания семьи Хабаровых «на два дома» (в Дмитриеве и Ленивцевом Выставке), эта информация могла быть правдой. Но в то, что братья не вели в Сибири общее дело, действительно верится с трудом.

Сколько в итоге Хабаровым удалось вернуть промышленных соболей, неизвестно. Видимо, «поживились» на них оба воеводы. Однако то, что братья и далее продолжили свою деятельность в Сибири, показывает, что их «мангазейская эпопея» всё-таки имела определённый успех, а приобретённый опыт «обхода» законодательства и борьбы с чиновничьим произволом не раз применялся ими впоследствии.

Если имя Ерофея Хабарова в следующий раз после мангазейской истории встречается в документах уже в 1633 г., то имя Никифора вновь появляется рядом с ним только в 1637 г., когда оба брата находились в Енисейске и готовились к перевозке на реку Лену большого запаса муки. Сохранилась соответствующая «запись» (договор) перевозчика, данная «торговым людем Ерофию да Никифору Павловым Хабаровым» 18 сентября 1637 г. [5; 78], что свидетельствует о смене братьями социального статуса: переходе в торговое сословие. Однако в других документах того времени Хабаровы чаще именуются «промышленными людьми»: поскольку промысловики также торговали добытыми соболями, чёткой грани между этими сословными группами не существовало.

Братья намеревались вести на Лене масштабную торговлю и для покупки товара заняли денег у енисейского воеводы Прокофия Фёдоровича Соковнина (впоследствии этот долг им серьёзно «аукнется»). Следующее упоминание о Никифоре Хабарове относится к 1642 г., когда он нарушил условия договора с кузнецом, ранее нанятым Ерофеем. Это вызвало очередную судебную тяжбу, в которой ответчиком оказался Ерофей. Интересно, что в своих показаниях по этому делу он почти ласково говорил о Никифоре «брат мой Микиша» и всячески выгораживал его. Тем не менее Ерофею всё-таки пришлось заплатить истцу 50 рублей [5; 104–106].

По мнению историка Б. П. Полевого, Ерофей вёл в Сибири торговлю товарами, которые Никифор доставлял ему из европейской части России [8; 27]. Возможно, подобного рода «челночные» операции некоторое время действительно осуществлялись, но вскоре оба брата прочно осели на новом месте в верховьях Лены. Не исключено, что окончательному переселению Никифора отчасти «посодействовали» неприятности, обрушившиеся на Ерофея.

В 1643 г. вследствие затяжного конфликта с ленским (якутским) воеводой Петром Петровичем Головиным Е. П. Хабаров оказался в тюрьме. К тому времени он уже числился «ленским пашенным крестьянином», поскольку первым в регионе начал производство дефицитного в Сибири хлеба, что сулило барыши не меньшие, чем пушной промысел. Находясь под арестом, Ерофей подал челобитную, в которой просил отпустить его из Сибири на родину, чтобы расплатиться с многочисленными долгами, а до тех пор «на Лене быть у пашнишки братишку моему родному Микифору Хабарову» [5; 110]. Согласие из Москвы было получено, но к тому времени в Якутске сменился воевода, и выпущенный на свободу Ерофей остался хозяином своей пашни.

Пока Ерофей находился в заключении, Никифор, в отличие от брата по-прежнему числившийся «торговым человеком», вёл активные коммерческие операции – видимо, и за себя, и за опального Ерофея. Известно, что летом 1643 г. он не только продавал на Ленском волоке ржаную муку немалой ценой по рублю пуд, но и привёз на продажу 790 соболиных шкурок, что свидетельствует о хорошо налаженном пушном промысле. Упоминаются в документах и его покрученики. То, что Никифор в это время находился «на хозяйстве» за брата, подтверждается интересным именованием его в одном из документов: «пашенной и соляной опытовщик» [5; 112] (Ерофея, первым начавшего на Лене хлебопашество и солеварение, часто именовали «старой опытовщик»). В 1648 г. именно Никифор получил в Якутске компенсацию за реквизированные в 1643 г. у Ерофея Хабарова П. П. Головиным 200 пудов муки [5; 104, 196].

При этом отношение Никифора к государству и государственной собственности нельзя оценить однозначно. Например, весной 1644 г. он со своими покручениками добровольно участвовал в спасении казённых запасов соли от наводнения в устье реки Куты, а зимой 1645–1646 гг. вопреки распоряжению новых якутских воевод не участвовал в перевозке их запасов на Ленском волоке [5; 112, 174–175]. Впрочем, перевозкой должен был заниматься Ерофей, но он в это время находился в отъезде, поэтому соответствующая жалоба от других участников доставки воеводских грузов поступила на Никифора, жившего на заимке брата. Видимо, в понимании местных жителей братья вели единое хозяйство. Так оно, скорее всего, и было, но разница в социальном статусе, вероятно, позволяла «промышленному» и «торговому» человеку Никифору уклоняться от обязанностей «пашенного крестьянина» Ерофея.

То, что братья действовали «заедино», подтверждается многими документами. Так, летом 1647 г. именно Никифор подавал челобитную о побеге с заимки брата поселённых там ссыльных пашенных крестьян. В 1649 г. якутские воеводы взыскивали с Никифора долги ушедшего в Амурский поход Ерофея [5; 190, 205, 209].

Возможно, именно запутанность финансовых дел старшего брата не позволила ему сразу взять Никифора с собой на Амур. И в 1649 г., когда туда направился первый отряд, и в 1650 г., когда Ерофей вторично ушёл в поход с набранным в Якутске подкреплением, Никифор оставался на Лене. Летом 1649 и 1650 гг. он вёл торговлю в Якутске и, видимо, успешно, поскольку 26 августа 1650 г. приказчик известного устюжского купца Никифора Ревякина Савва Кондратьев занял «у торгового человека Микифора Павлова сына Хабарова устюжанина сто рублёв денег» [5; 211–212, 253].

Однако здесь нельзя обойти вниманием вопрос, почему ушедший покорять «Даурскую землю» (Приамурье) Ерофей временно оформил своё недвижимое имущество не на Никифора. Пашня и сенокосы Ерофея отошли Панфилу Яковлеву, мельница – Фёдору Яковлеву. Передача «в заклад» происходила на определённых условиях, но закладная запись, к сожалению, не сохранилась. По предположению Г. Б. Красноштанова, братья Яковлевы являлись шуринами Ерофея. Однако ключевым здесь, видимо, вновь является вопрос сословной принадлежности: братья Яковлевы были пашенными крестьянами, тогда как Никифор Хабаров продолжал числиться «промышленным» или «торговым» человеком. Кроме того, Ерофей мог опасаться, что его имущество взыщут с Никифора по долгам. Исследователь

Г. А. Леонтьева даже утверждает, что Ерофей переписал своё завещание, ранее оформленное на Никифора, в пользу якутского воеводы Д. А. Францбекова [6; 45].

Лишь летом 1651 г. Никифор по следам брата направился на Амур в составе очередного отряда, набранного в Якутске. Тем самым он вновь изменил свой сословный статус и по факту участия в официальной военной экспедиции стал именоваться «новоприборным служилым человеком», то есть принятым в текущем году на государственную службу. Однако Никифор наряду с другими добровольцами не был записан в окладные книги, чем лишён возможности получать жалованье. Таким «охочим людям» оставалось надеяться только на военную добычу и выплаты по итогам похода.

Руководили уходившим на Амур отрядом прибывшие из Даурской земли Третьяк Ермалаевич Чечигин и племянник Хабаровых Артемий Филиппович Петриловский. Родство с А. Ф. Петриловским сразу обозначило особое положение Никифора в составе нового подкрепления. По пути Никифор с племянником забрали у промышлявших на Тугирском волоке покручеников лальского торгового человека Андрея Матвеевича Ворыпаева, насильно переведённых Ерофеем Хабаровым в своё подчинение годом раньше, немалую добычу – 672 соболиных шкурки ценой 1176 рублей [5; 447–449]. В сентябре, получив распоряжение Е. П. Хабарова спешить на Амур, Т. Е. Чечигин и А. Ф. Петриловский решили оставить груз свинца и пороха в Тугирском зимовье, а далее двигаться налегке. Охранять тяжёлые «государевы пушечные запасы», чтобы позже перевезти их по санному пути, был оставлен небольшой отряд во главе с Иваном Артемьевичем Портнягой и Никифором Павловичем Хабаровым. Не исключено, что неофициальной задачей Никифора при этом являлся контроль за зимним пушным промыслом бывших покручеников А. М. Ворыпаева.

Перезимовав на Тугирском волоке и обложив ясаком местных тунгусов, в конце марта 1652 г. отряд с «государевою зелейною и свинцовою казною» двинулся на соединение с Амурским войском. По прибытии, как позднее будет изложено в челобитной Никифора на имя царя Алексея Михайловича, «брат мой Ярофей Хабаров велел мне... служить твою государеву амурскую службу с служилыми людьми вряд» [5; 534]. Почему Никифор не вошёл в руководящий состав Амурского войска, став хотя бы десятником, неизвестно. Видимо, объяснялось это не только его личными качествами, но и непростой психологической обстановкой, сложившейся к тому времени среди завоевателей Даурской земли.

Вскоре после присоединения к войску Никифору довелось стать свидетелем выступления Степана Васильевича Полякова против Е. П. Хабарова и раскола в рядах казаков-амурцев. О действиях Никифора в это время сведений нет, но он, несомненно, принял сторону брата и участвовал в подавлении мятежа. А между тем над головой самого Никифора сгустились тучи. Бывший енисейский воевода П. Ф. Соковнин обратился в Сибирский приказ с иском по просроченному долгу Хабаровых 1637 г. Соответствующие указания поступили из Москвы в Якутск. И если новый статус «приказного человека» Ерофея не позволял сразу привлечь его к ответственности, то с Никифором предполагалось обойтись жёстко.

Очередной якутский воевода Иван Павлович Акинфов, обеспокоенный долгим отсутствием донесений от Е. П. Хабарова, направил на Амур служилого человека Никиту Прокопьева (Прокофьева). В данной ему 30 июня 1652 г. наказной памяти, в частности, говорилось: «Ярка Хабарова да брата его Никифорка Хабарова дать на поруки в иску окольничего Прокопья Фёдоровича Соковнина в займех его Ярковых и брата его Никифорка в 2100 рублях, что им Ярку стать в Якутцкой острог, как минется Даурская служба, а Никифорка Хабарова привезть за приставы ему, Никитке, с собою вместе в Якутцкой острог» [7; 354].

«Взять за приставы» означало арестовать. Однако Никита Прокопьев, встретив в пути небольшой отряд, отправленный Е. П. Хабаровым с отписками (донесениями) и ясаком, далее на Амур не пошёл, и поэтому воеводское поручение осталось неисполненным [5; 338–340]. Знал ли Никифор о поданном иске, и как отразилась эта тяжба на его дальнейшей судьбе – пока что не выяснено. Вернуться в Якутск ему довелось уже при другом воеводе, но ведь оформленный в Сибирском приказе «государев указ» по взысканию долга оставался в силе.

А в 1653 г., когда прибывший на Амур с инспекцией московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев насильно вывез Ерофея в столицу, Никифор остался в составе Амурского войска, подчинённого Онуфрию Степановичу Кузнецу. Мнение, что Д. И. Зиновьев мог рассматривать кандидатуру Никифора на замену Ерофея [1], крайне малоубедительно. В 1654 г. Онуфрий Кузнец отправил в Якутск свои отписки, а также челобитные от служивших в Амурском войске. В состоявшем из десяти человек отряде сопровождения ушёл с Амура и Никифор Хабаров [5; 498–499]. Был ли он отослан О. С. Кузнецом или напросился в отряд сам, стремясь помочь опальному брату – остаётся неизвестным.

В сентябре 1654 г. посланцы прибыли в Якутск, но Никифора с ними не оказалось: очевидно, он повернул с устья Олёкмы вверх по Лене, на заимку Хабаровых близ устья реки Киренги. Не исключено, что Никифор отвозил туда соболиную добычу, избегая обязательного таможенного сбора в Якутском остроге. Вновь он появился в Якутске лишь в марте 1655 г., где и заплатил положенную пошлину с подозрительно скудного объёма пушнины. Местная таможня оценила привезённую им с Амура «погромную рухлядь» – «десять (по другим данным девять – С. Г.) шубёнок иноземских соболих пластинных да восемь ма-лахаишков хвостовых соболих» – всего лишь в 25 рублей [5; 499, 533].

Таким образом, участие Никифора в Амурском походе пришлось на 1651–1654 гг., а непосредственно в Даурской земле он прослужил два года: с 1652 по 1654. Судя по всему, несмотря на родство с руководителем войска, это была обычная служба рядового амурского казака. По собственным словам, он «аманатов имал и в походы ходил» [5; 340]. Сведений о конкретных личных подвигах Никифора, совершённых им на Амуре, не имеется.

Если считать, что вся даурская добыча Никифора сводится к предъявленному им в якутской таможне, то его участие в Амурском походе нельзя признать успешным: ведь «заработной платы» он тоже не получал. Видимо, именно это послужило причиной подачи им в Якутске челобитной, в которой «охочей даурской служилой человек Никифорко Хабаров» описал свои заслуги за время похода, указал, что с момента зачисления на службу по 31 мая 1655 г. не получал жалованья, и просил «отпустить... к Москве» [5; 533–534]. Очевидно, Никифор надеялся, что ему будет предоставлена возможность за казённый счёт добраться до столицы, по пути побывав на малой родине, а также выплачено жалованье за все годы службы. Важным было и то, что в Москве в это время находился Ерофей Хабаров.

Свою челобитную Никифор подал одновременно с коллективной челобитной прибывших с Амура в 1655 г. участников доставки даурского ясака, просивших разрешения довести «государеву соболиную казну» до Москвы. Очевидно, он планировал присоединиться к этому отряду. Однако никаких сведений о выезде Никифора в столицу не обнаружено. Нет его имени и среди прибывших в Москву с ясаком амурцев [5; 533–536]. Более того, челобитная 1655 г. является последним из выявленных к настоящему времени документов, в котором упоминается Никифор, что заставляет предположить его скоростижную смерть. К сожалению, финал жизни Никифора Павловича Хабарова доселе остаётся загадкой.

О личной жизни Никифора также ничего не известно. Судя по всему, он был холост и потомков не оставил. Нехватка документальной информации привела к тому, что в научной литературе Никифор обычно упоминается мельком, предстаёт только как помощник брата и какими-либо оценочными характеристиками не наделяется. Зато фантазия авторов художественных произведений, не ограниченная поиском истины, уносит их в воссоздании облика Никифора гораздо дальше. Например, в книге Д. И. Романенко «Ерофей Хабаров» Никифор характеризуется как «человек доброго сердца и щедрой души», «хотя и легкомысленный, но предприимчивый и верный человек..., склонный к аферам и к женщинам». Более того, по воле автора Ерофей умирает на руках у Никифора [9; 342–343, 350].

В романе Л. М. Дёмина «Хабаров» Никифор является достаточно заметным положительным героем, иногда дающим Ерофею весьма дельные советы. Писатель даже пытается представить его внешний облик: «Не такой рослый, мускулистый и плечистый, как старший

брат, но похожий на него лицом и светло-русый цветом волос, он казался уменьшенной копией Ерофея» [3; 10]. В этом описании явно сказались традиционное представление о Никифоре как о «зримой тени» своего выдающегося брата.

Конечно, на основе имеющихся, весьма скудных и отрывочных биографических данных крайне сложно дать общий психологический портрет Никифора Хабарова. Судя по всему, он мало выделялся из тех тысяч железных русских людей, что покоряли Сибирь, и только родство со знаменитым братом заставляет обратить на него более пристальное внимание. Создаётся впечатление, что Никифора вела по жизни твёрдая рука Ерофея, и судьбы их связаны, словно нитка с иголкой. Однако Никифор никогда не бросался вслед за братом в его многочисленные рискованные предприятия сразу, наобум. Как правило, он появлялся рядом с Ерофеем, выдержав небольшую паузу. Трудно сказать, проявлялась ли в этом осторожность Никифора, или же Ерофей приглашал присоединиться к нему только тогда, когда видел успешность нового затеянного дела. Так или иначе, но Никифор всегда обеспечивал брату надёжный тыл, гарантируя преемственность в его начинаниях.

Ерофей Хабаров являлся настолько крупной и неповторимой личностью, что Никифор ни при каких условиях не мог стать «alter ego» своего брата. Достаточно упомянуть, что, в отличие от Ерофея, он был неграмотным [5; 113]. Хотя Никифору неоднократно приходилось подменять брата «на хозяйстве», между ними сохранялось своеобразное разделение труда: Ерофей затевал масштабные проекты по организации солеварения, земледелия или покорения новых земель, а Никифор в основном «специализировался» на соболином промысле и торговле. Младший брат отнюдь не копировал старшего, а дополнял его в их слаженном «дуэте» единомышленников. Показательно, что он никогда не стремился к лидерству. И если Ерофей являлся первопроходцем в самом широком смысле этого слова, то Никифор всегда был вторым в этом тандеме, – но тем вторым, без которого становится бессмысленной деятельность первого: ведь без наличия последователей заглохнет любое, даже самое великое дело. Именно в этом и заключается непреходящее историческое значение таких незаметных на первый взгляд личностей, как Никифор Павлович Хабаров.

Список использованных источников и литературы

1. Бахмутов В. [М.] «Кузнец» // Биробиджанская звезда. 2013. 18 января.
2. Гладких С.А. Малая родина Ерофея Хабарова // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции (14-16 августа 2012 г.). Каргополь: [Б. и.], 2012. С. 282–288.
3. Дёмин Л. М. Хабаров: Амурский землепроходец. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2005. 496 с.
4. Красноштанов Г. Б. В поисках родины Ерофея Хабарова // Двинская земля. Вып. 6. Котлас: [Б.и.], 2010. С.12–27.
5. Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 752 с.
6. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.: Просвещение, 1991. 144 с.
7. Наказная память якутского воеводы Ивана Акинфова служивому человеку Никите Прокофьеву, об отправлении его на реку Амур, принятии от приказного человека Ерофея Хабарова собранного им ясака и о взятии по нём поручных записей в долговом иске // Дополнения к актам историческим. Т. 3. СПб.: Типография Э. Праца, 1848. С. 352–354.
8. Полевой Б. П. Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и её значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 2. Владивосток: ДВО РАН, 1995. С. 7–27.
9. Романенко Д. И. Ерофей Хабаров. – М.: Московский рабочий, 1969. 352 с.
10. Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. 144 с.